

Российское китаеведение

Об особенностях трансформации Китая и России

У этой публикации весьма любопытная предыстория. В № 1 нашего журнала за 2013 г. был напечатан диалог известного китайского политолога, профессора Юй Кэпина с его американским коллегой, видным философом, профессором Фрэнсисом Фукуямой, посвященный проблемам глобализации современного мира и месту в нем т.н. «китайской модели развития». Инициатором этой публикации в «Проблемах Дальнего Востока» выступила китайская сторона.

Редколлегии и редакции ПДВ диалог показался интересным и содержательным, дающим ответы на некоторые острые вопросы современной истории и политики. У нас зародилась идея организовать аналогичный обмен мнениями, но уже с участием представителя российской стороны. По нашему представлению, его тематика могла бы касаться наиболее актуальных вопросов, связанных с процессами, происходящими в России и Китае — двух крупнейших странах мира, совершающих переход от одной модели развития к другой. При этом возможность выбора конкретных вопросов для обсуждения была предоставлена китайской стороне.

В качестве участника со стороны России и партнера Юй Кэпина по диалогу был приглашен виднейший российский китаевед, директор Института Дальнего Востока Российской академии наук, академик РАН, лауреат Государственной премии Российской Федерации Михаил Леонтьевич Титаренко.

Редакция выражает глубокую признательность и благодарность участникам диалога, а также благодарит российского эксперта Бюро переводов ЦК КПК Ольгу Владимировну Мигуну, одного из его организаторов и авторов перевода с китайского языка части этого материала.

Вопрос 1. Если иметь в виду исторические перипетии государственного строительства в Китае и России, то очевидно, что начиная с периода нового времени в обеих странах не раз возникали целые движения, ратовавшие за учебу у Запада. Каким был исторический фон у таких движений, если брать желание учиться у Запада, так сказать, само по себе, какими очевидными особенностями отличалась такая учеба, и можно ли говорить о наличии неких ее пределов?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Что касается процесса государственного строительства в Китае и России в наше время и оценки отношения и использования опыта стран Запада в наших странах, то я полагаю необходимым сделать следующие предварительные замечания, чтобы мой ответ на поставленный вопрос воспринимался правильно.

Прежде всего, хотелось бы указать на необходимость учитывать различия исходных позиций современного государственного строительства (state-building) в Китае и Рос-

сии. Во-первых, нынешняя российская государственность возникла после распада Советского Союза на территории бывшей РСФСР — Российской Советской Федеративной Социалистической Республики, и включения в состав ее населения и недвижимости, находившихся в границах, установленных законами СССР. Хотя по территории РФ составляла более 2/3 просторов СССР (более 17 млн кв. км), но по численности населения она в два раза меньше Советского Союза.

Второе. РФ выступила правопреемницей международных политических, финансовых, военных, экономических, гуманитарных и иных обязательств Советского Союза. В этой связи РФ была признана правопреемником места СССР в ООН в статусе постоянного члена Совета Безопасности и во всех других международных организациях.

В-третьих, РФ сохранила дипломатические и иные сношения со всеми странами и организациями, с которыми поддерживал связь СССР.

В-четвертых, в отличие от других 14 братских союзных республик, входивших в СССР, все бремя экономических, весьма значительных обязательств, финансовых долгов и других обязательств Советского Союза перед другими странами и международными организациями Российская Федерация великодушно взяла на себя.

В-пятых, РФ выступила также единственным правопреемником, обладателем ракетно-ядерного и космического потенциала Советского Союза и исполнителем прав и обязанностей по соответствующим договорам, касающихся контроля за ракетно-ядерным оружием, контроля за его нераспространением и т.д. При этом РФ понесла немалые расходы по выводу, перемещению ракетно-ядерного оружия с территорий других союзных республик СССР, ставших суверенными государствами и объявивших о своем безъядерном статусе. Все это потребовало огромных материальных затрат со стороны РФ и дополнительных обязательств в отношении своих партнеров.

Наконец, следует назвать еще один фактор, который возник после распада СССР, а именно то, что русский народ, составлявший более 82% населения СССР, после его распада превратился в крупнейшую в мире расколотую нацию. Ибо более 25 млн русских оказались в одночасье за границей, оторванными от своей исторической и цивилизационной Родины — России.

Многие зарубежные политики, рассматривая проблемы России, не учитывают или игнорируют эту проблему, которая, как показала политика геноцида и дискриминации в отношении русских и их культуры, проводимая «новыми властями» ряда суверенных государств в угоду своим западным и американским покровителям, например, в странах Прибалтики, превратилась в кровоточащую рану России. Самый последний пример этому — события на Украине, крымский плебесцит, в итоге которого 97% населения Крыма потребовали возвращения домой, т.е. воссоединения с Россией. Россия, в свою очередь, не могла ни юридически, ни исторически, ни нравственно не услышать и не реагировать на это вопреки влиянию своих соотечественников, своих братьев и по духу, и по крови.

Безусловно, фактор воссоединения Крыма — это очень существенный и принципиально важный компонент государственного строительства России как с точки зрения внутренней политики, так и международно-правовых отношений.

Ключевое значение для корректного сопоставления и восприятия опыта госстроительства в Китае и России и их подходов к изучению опыта западных стран имеют также следующие важные обстоятельства.

Первое. Само развитие России и Китая в политическом, социально-культурном, экономическом планах идет по разнонаправленным траекториям.

Нынешняя РФ стала хотя и огромной, но лишь частью бывшей могучей во всех отношениях сверхдержавы — Советского Союза, павшего под бременем сверхобязательств внутреннего и внешнего плана, внутреннего кризиса доверия, порожденных ошибками высшего руководства КПСС и СССР и мощными интригами внешних врагов в сотруничестве с выпестованной десятилетиями «пятой колонной».

Россия получила огромную территорию – более 17 млн кв. км, но лишь половину населения бывшего СССР — 145 млн человек, т.е. примерно в 10 раз меньше населения, чем в Китае, при территории почти вдвое большей, чем у КНР. При этом нужно учесть, что почти 70% этой территории, обладающей значительными разнообразными природными ресурсами, тем не менее, не пригодны для постоянной комфортной жизни человека, или относятся к зоне рискованного земледелия.

Второе. Развитие Китая после образования КНР в 1949 году в социально-экономическом плане идет в рамках единой, постоянно развивающейся, совершенствующейся социально-экономической социалистической системы — от развития с использованием советской социалистической модели через драматические эксперименты политики «большого скачка», «народных коммун», а затем потрясений «великой пролетарской культурной революции» к пробуждению, восхождению и подъему на основе политики всеобъемлющих экономических реформ и открытости, строительству «социализма с китайской спецификой», реализации великой мечты о возрождении Китая.

В отличие от этой привлекательной картины мирного подъема Китая разговоры и декларации о «возрождении России» после распада СССР в 1991 году, о реформе, о подъеме Сибири и Дальнего Востока идут на фоне физических, цивилизационных и нравственных развалин великой страны, дискредитаций великой мечты и идей справедливости, на фоне унижений и дискриминационного отношения со стороны т.н. победителей в «холодной войне», которые вместе с либералами и многочисленной «пятой колонной» творят тризну победителей на теле поверженной державы.

От граждан России потребовалась колоссальная выдержка, терпение, вера в правоту своего дела, чтобы устоять в этом бешеном демоническом вихре, не дать себя смести громадным цунами западного либерализма, облаченного в одеяния демократии, прав человека и т.д. и т.п.

Русский народ и другие братские народы нашей страны, хотя и понесли после 1991 г. тяжелые физические, духовные, нравственные потери, но в целом выстояли. Хотя население России сократилось за эти лихие, мрачные 1990-е годы более чем на 10 млн человек, хотя Россия потеряла основные выходы к теплым морям, за которые она столетиями боролась, хотя ее культурное наследие несколько оскудело, хотя ее культурно-цивилизационная идентичность под мощными и всеохватывающими ударами агрессивного евроцентризма и громадного давления либеральной вестернизации оказалась заметно размытой, цивилизационный обруч великой русской культуры, объединяющий страну, был ослаблен и покрыт ржавчиной, тем не менее Россия как единое суверенное государство устояла. Вопреки русофобским прогнозам западных политиков и их российских адептов Россия не распалась. Наоборот, ее федеративное государственное устройство усовершенствовалось и укрепилось. Политика президента В.В.Путина, начиная с первых лет нового столетия, позволила остановить и прекратить вакханалию региональных суверенитетов, унифицировать правовые основы страны, на единых принципах Конституции РФ создать цивилизованную, отвечающую месту и времени единую демократическую вертикаль федеральной власти. Ныне она, включая новые субъекты федерации — Республику Крым и Севастополь, объединяет 85 субъектов РФ, которые находятся под административным патронажем постоянных представителей президента в шести федеральных округах.

Одновременно в ходе потрясений 1990-х годов в России, как и в других бывших братских союзных республиках СССР, кроме Белоруссии, методом шоковой терапии прошла смена социально-экономического строя. Социалистическая система СССР была дискредитирована и разрушена, на ее месте сначала утвердился и существовал до начала 2000-х годов олигархо-капиталистический строй, который заимствовал худшие образцы западного либерализма.

В 90-е годы XX века во внешней и внутренней политике России под присмотром десятков тысяч американских и западноевропейских советников, «эффективных менеджеров» доминировало слепое копирование западно-европейских и американских матриц создания структур хозяйственного и административного управления, структур государственных органов, навязывались западный образ жизни, западная система культурных, нравственно-правовых и других ценностей.

Конституция России, структура законодательной и исполнительной власти сверху до низу — все это пропитано заимствованными из конституций США, Франции и Германии правовыми нормами, которые далеко не всегда соответствуют традициям и ценностям российской культуры. Лишь высшие парламентские органы вместо советских наименований получили вывески времен конца царской России — «Государственная дума», а на уровне регионов появились экзотические переименования местных органов — «префектура», «округ» (как во Франции), «мэр», «префект» и т.д. и т.п.

Как известно, переход Китая на рельсы рыночной экономики, сочетание государственной собственности и частной собственности как равноправных субъектов экономической системы страны — все это также потребовало от Китая внимательного изучения опыта функционирования рынка и рыночных отношений в развитых капиталистических странах. Однако в отличие от России в Китае в целом это проходило не путем механического копирования, а путем китаизации зарубежного передового опыта, адаптации его к китайским специфическим условиям.

В России массовое заимствование западных моделей менеджмента, образа жизни, матрицы потребительского общества, западной системы демократии и правил работы госаппарата и деловых взаимоотношений слепо осуществлялось методом административного давления.

В условиях, когда Россия усилиями США и их союзников по НАТО поставлена в положение «побежденной страны», объекта различных санкций и дискриминационных правил, она по необходимости должна искать и устанавливать партнерские отношения сотрудничества со странами, которые готовы и заинтересованы в развитии равноправных отношений сотрудничества и партнерства. Одной из таких стран с начала 1990-х годов и ныне выступает великий Китай. С учетом этого Россия и Китай на основе общности или близости коренных национальных интересов развития и обеспечения безопасности и территориальной целостности за последние 15 лет построили отношения всеобъемлющего стратегического взаимодействия и доверительного партнерства.

Китаю, в отличие от России, благодаря политике мирного развития, реформ и открытости удалось создать с ведущими развитыми странами Запада, прежде всего с США, отношения мирного соперничества, диалога и экономической взаимозависимости и занять весьма благоприятные позиции бенефицианта глобализации. Благодаря политике открытости и целому ряду других факторов Китаю удалось максимально использовать возникшие шансы и новые сложившиеся правила экономических взаимоотношений, диктуемых глобализацией и интересами США, в интересах развития и модернизации своей страны.

Россия под давлением Запада, прежде всего блока НАТО, оказалась объектом эксплуатации глобализацией. Более того, все дискриминационные и конфронтационные меры и правила, которые ранее осуществлялись США и Западом в отношении СССР, были перенесены и применяются до сих пор в отношении РФ.

Мы надеемся, что патриоты Китая, сторонники самостоятельной и независимой политики, сохранения самобытности и цельности Китая понимают, что в стратегическом плане США и Запад проводят экспериментально в отношении России ту совокупность подрывных мер сдерживания и организации территориального и цивилизационного разложения страны, которые, весьма вероятно, в будущем намерены применить и в отношении Китая. Политику «разделяй и властвуй» наши страны могут нейтрализовать и сохра-

нить свой суверенитет и территориальную целостность, только укрепляя и последовательно проводя курс на всеобъемлющее стратегическое взаимодействие и партнерство.

ЮЙ КЭПИН: Рассматривая пути китайской модернизации в исторической ретроспективе, следует признать, что дело действительно так и обстояло. Весь период истории, начиная с «движения за усвоение заморских дел» конца правления династии Цин и вплоть до современной политики реформ и открытости, по существу говоря, был периодом учебы у западных стран. «Движение за усвоение заморских дел» инициировало китайскую модернизацию и ознаменовало собой вступление страны на путь реформ. Тем самым было положено начало истории Китая нового времени. «Движение за усвоение заморских дел» («самоусиление») в переводе на английский язык звучит как «Westernization Movement», т.е. «движение вестернизации». Откуда такое непонятное на первый взгляд сближение «самоусиления» и «вестернизации»? В сущности, главная пружина современного государственного строительства — это процесс всесторонней модернизации страны. Развитые западные страны — пионеры и авангард модернизации, в этом отношении они впереди и Китая с Россией, и других стран. И Китай, и Россия относятся к странам «запаздывающего» развития, и если мы хотим идти по пути модернизации, то неизбежно надо учиться у передовой индустриальной западной цивилизации.

Объективно говоря, по преимуществу мировые цивилизации нового времени это индустриальные цивилизации, а индустриальная цивилизация это, по сути, порождение, главным образом, западных стран. Современные машины и механизмы, энергетика и энергоресурсы, химическая и фармацевтическая промышленность, коммуникации и т.д. — все это берет свое начало в западных странах. Если модернизацию узко определить как индустриализацию, то в силу самой своей сущности она неизбежно будет предполагать учебу у Запада передовой науке, технике и технологиям, индустриальному производству, системе управления. И в этом смысле, чем ближе мы к развитым западным странам, тем большему можем у них научиться, тем более современным и более прогрессивным имеет шанс стать общество. И наоборот, чем настойчивее мы упорствуем в своем нежелании учиться у западных стран и стремлении сохранять как можно больше традиционных вещей, тем скорость прогресса меньше, и тем более отсталым оно оказывается.

Однако в реальности далеко не все так однозначно. В процессе учебы у западной индустриальной цивилизации невозможно совсем избежать порой радикальных нестыковок. Причиной тому — наличие в основании индустриальной цивилизации западной культуры и ее механизмов, в корне отличных от восточной традиционной культуры с ее собственными механизмами и устройством. В силу этого фундаментального обстоятельства в процессе государственного строительства ни Китаю, ни России не удалось избежать двух коллизий. Первая из них по существу была культурным столкновением, а вторая — столкновением систем, или, что то же самое, столкновением интересов. В конечном счете, и в Китае, и в России эти две коллизии обнажили, соответственно, самую серьезную озабоченность, возникающую в ходе государственного строительства, а именно: как в процессе учебы у Запада и продвижения модернизации сохранить свою национальную независимость, т.е. не попасть под управление великих западных держав.

Приведу пример. Основная политическая линия, проводившаяся в Китае в течение всего периода новой истории, опиралась на две презумпции. Первая из них предполагала, что поскольку в экономическом и культурном отношении Китай был отсталым, то от этой отсталости необходимо избавиться, необходимо стать богатым государством, провести модернизацию, создать сильную армию. Вторая утверждала, что отсталость Китая стала причиной национального унижения, которое Китай претерпевал со стороны великих западных держав, и причиной его положения полукolonии. Согласно этой презумпции, Китаю было необходимо избавиться от контроля западных держав, а нации — стать независимой. Таким образом, модернизация и национальная независимость явились двумя главными задачами Китая периода новой истории. Коллизия «вестернизации» и «китаизации» оказыва-

лась естественным следствием двунаправленности линии исторического развития и единством великих задач, которые решались в ходе модернизации Китая.

Действительно, первая важнейшая задача Китая нового времени — изучение передового опыта индустриализации западных стран, ускоренная модернизация китайского общества. С другой стороны, не менее важной была задача достижения национальной независимости. Однако представляется принципиальным не просто зафиксировать очевидность конфликта между этими задачами, но и попытаться понять, как урегулировать отношения между «вестернизацией» и «китаизацией», или, выражаясь более конкретно, как эффективно учиться у Запада и в то же время сохранять независимость китайской нации. Этот вопрос все время не давал покоя китайской интеллигенции и китайским политикам нового времени. Как в условиях понимания того, что полукOLONиальное положение Китая явилось по большей части продуктом политики великих западных держав, и что китайская нация нуждалась в независимости от контроля и влияния этих держав, прийти к искомой независимости через модернизацию, возможную только на пути учебы у этих стран, [что предполагало признание их превосходства и новую, не менее фатальную форму зависимости от них]? Это специфически затруднительное положение приучило передовую интеллигенцию и политиков нового периода китайской истории постоянно сохранять бдительность: учась у Запада, ни при каких обстоятельствах не допускать контроля Запада над Китаем, и тем более — колониальной зависимости. Именно поэтому, опасаясь, что учеба у Запада чревата «вестернизацией» Китая, они так настоятельно подчеркивали, что в будущем западные вещи необходимо «китаизировать». Таким образом, важно понять: три различные политические системы периода новой истории Китая, олицетворенные правлением династии Цин, гоминьдановским правительством и политической властью КПК, — все они, когда дело касалось отношений «китаизации» и «вестернизации», по сути руководствовались общей логикой — рассматривали Китай как «основное», а западную цивилизацию как прикладное и, насколько возможно, «китаизированное». Эта логика в эпоху династии Цин называлась «*чжун ти си юн*» («китайская основа, западное использование»), в период правления Гоминьдана она называлась «*чжун го бэнь зэй*» («Китай — основное»), а сейчас мы говорим — «китайская специфика». Поэтому нетрудно понять, что когда в период новой истории Китая немало представителей интеллигенции из патриотических побуждений и во имя ускорения процесса модернизации Китая выступали сторонниками учебы у Запада абсолютно во всем или чрезмерно преклонялись перед ним, практические последствия этого в большинстве случаев оказывались обратными: сами эти патриоты могли подвергаться суровой критике и, более того, — быть заклеены общественным мнением как «предатели родины».

Вопрос 2. XX век в России и в Китае ознаменовался, хотя и в разное время, коммунистическими революциями. Какую роль коммунистические революции сыграли в государственном строительстве двух стран с исторической точки зрения? Почему коммунистические революции свершились в таких «отсталых» странах, как Россия и Китай? Какое сходство и какие различия имели они в наших двух странах?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Что касается этого вопроса, то здесь произошло некоторое смещение объектов рассмотрения и неточное употребление понятий и характеристик исторических событий.

Да, в начале XX века в *царской России* произошло в короткий исторический период три революции. Октябрьскую революцию 1917 года впоследствии именовали «Великой, социалистической». Эта революция, как и французская революция XVIII века, потрясла мир и определила основное направление развития всего XX столетия. О ее громадном влиянии на судьбу мира и последующий революционный выбор Китаем своего пути, борьбы за возрождение и освобождение неоднократно говорил Мао Цзэдун, другие выдающиеся деятели Китая. Но эту революцию называть «коммунистической» в научном, а не в пропагандистском, обыденном смысле этого понятия нельзя. Да и в социалистиче-

ском смысле, т.е. в смысле начальной ступени коммунистической формации, эта революция ни в России, а тем более в Китае так именоваться и быть таковой просто не могла. Не могла потому, что с точки зрения научной теории применительно к понятиям «коммунизм» и «социализм» эти революции выдвинули лозунги и цели, опережающие на многие десятилетия реальные социально-экономические, культурные и нравственные условия и качество человеческого материала, героически свершившего эти революционные акты. Если быть реалистами, придерживаться достоверных фактов, т.е., как говорят в Китае, придерживаться принципа «ши ши цю ши», то определение «коммунистической» не применимо ни в том, ни в другом случае. «Коммунистическая» революция в России и тот длительный драматический процесс, включающий национальную, антиимпериалистическую, антифеодальную гражданскую борьбу и длительную антияпонскую войну за национальное освобождение и суверенитет, все это, почему-то называемое «коммунистической революцией», таковой по своей сути не было и не могло быть. Прекрасные идеи о равноправии и процветании, идеи о возрождении наших стран, мечты о счастливой жизни, которые в сознании борцов против царского деспотизма, жестокой несправедливости, угнетения, нищеты, после гражданской войны брата с братом — все это отождествлялось с идеалами социализма и коммунизма, которые эффективно использовали как мобилизующие идеи передовых представителей русского и китайского народов, объединенных в авангардные организации — коммунистические партии. Так социалистический и коммунистический идеал и великая мечта народа, для претворения которых в жизнь и России, и Китаю предстояло и предстоит преодолеть миллионы препятствий, в корне переделать себя, сознание своей страны, нацелиться на тяжелый созидательный труд в течение десятков поколений, чтобы достичь высочайшего уровня развития материальной, духовной жизни общества, чтобы создать, как говорится в «Манифесте Коммунистической партии», условия, когда «всестороннее развитие каждого станет условием развития всех» — все эти предварительные условия и предпосылки были вынесены за скобки, а сама идея стала играть не только мобилизующую роль, но временно стала «дорожной картой», организующей сегодняшнюю практику всего народа под руководством компартии.

Так штурмуя небо, россияне объявили, что они в 1936 году построили основы социализма, в 1970-е годы построили «зрелый социализм», а Н.С.Хрущев обещал, что к 1980 году «все советские люди будут жить при коммунизме».

Сходные явления, перескакивание через эпохи, обгоняя время и пространство, имели место и в Китае. Председатель Мао в 1958 году выдвинул установку ускоренного перехода к социализму и коммунизму: «напрягая все силы, рассекая волны, стремясь вперед по принципу много, быстро, хорошо и экономно построить социализм», а затем «три года напряженного труда, десять тысяч лет счастливой жизни». Чем кончились эти оторванные от конкретных условий и возможностей страны программы, призывы и лозунги, известно. Советский Союз заплатил за это своей судьбой, распадом страны, стратегическим отступлением в социально-экономическом и цивилизационном плане — к возврату компрадорско-капиталистического, олигархического уклада.

В отношении Китая судьба оказалась более милостивой и даже великодушной. Она позволила КНР найти лидеров, которые сформулировали политику, спасшую Китай от распада, на грани которого он оказался в ходе т.н. «культурной революции». Руководящее ядро КПК во главе с Дэн Сяопином и плеядой других выдающихся революционеров выработало курс спасения и возрождения страны путем осуществления глубоких реформ и политики открытости. Именно в этом состоит историческое значение III пленума ЦК КПК одиннадцатого созыва в конце 1979 года.

Теоретически это нашло свое выражение в целом комплексе взаимосвязуемых установок и выводов о том, что Китай находится и будет в течение длительного времени находиться на начальном этапе строительства социализма с китайской спецификой. Благодаря новым теоретическим и политическим разработкам и установкам Китай из сферы

политических утопий опустил на землю. Эти новые положения в Китае трактуются как творческое развитие и китаизация общих принципов марксизма-ленинизма и совокупно именуется «теорией Дэн Сяопина», важными принципами («о трех представителях» и «научной концепцией развития»). Ныне эти формулы дополнены установками о реализации «великой мечты китайского народа о возрождении». Этот опыт возрождения страны и выработки экономической политики и «дорожной карты» мирного развития Китая не только достойны глубокого уважения, но и всестороннего изучения в других странах, ищущих свои пути суверенного развития и модернизации.

Не случайно президент В.В. Путин, получив мандат президента, в своих усилиях по выработке программы возрождения России нередко обращает внимание на различные аспекты китайской практики.

Что же касается вопроса о том, почему революции в России и Китае произошли под лозунгами справедливости, равенства и построения социализма, то это, на мой взгляд, объясняется целым рядом взаимосвязанных причин и факторов. Прежде всего глубиной и остротой внутренних и внешних противоречий, полной дискредитацией правящих элит, отсутствием позитивного примера. Последнее и послужило основанием полного отрицания капиталистической системы и ее культурных и нравственных ценностей, более того, отрицанием даже права иметь такие ценности. Глубина кризиса и духовно-нравственное разложение правящих кругов России и Китая лишали в глазах подвергавшихся нещадной эксплуатации и всем мыслимым видам гнета и нравственного унижения широчайших масс трудовых слоев населения города и деревни эти правящие круги каждой из стран права на существование. Именно это обусловило крайний радикализм революций и стремление лидеров революционеров быть предельно бескомпромиссными и выдвигать самые возвышенные цели и идеалы, чтобы объединить и вдохновить массы на новые революционные действия.

Парадокс русской революции 1917 года состоит в том, что сам акт свержения временного правительства и утверждение власти Советов произошел фактически бескровно. Но возникшая потом борьба контрреволюционных сил и стоявших за ними представителей прежних эксплуататорских классов России и их зарубежных партнеров породила жесточайшую кровопролитную бойню гражданской войны. В отличие от этого революция в Китае, вскоре после многочисленных демонстраций и шествий, эволюционировала в форму длительной борьбы вооруженной революции против вооруженной контрреволюции, т.е. двух противостоящих лагерей, каждый из которых пользовался внешней поддержкой. Гоминьдан после контрреволюционного переворота Чан Кайши в 1927 г. получал поддержку со стороны капиталистического мира, развитых стран, в том числе тех сил, которые пытались в свое время превратить Китай в свою колонию или полуколонию. КПК, возглавлявшая национально-освободительные патриотические силы, пользовалась солидарной поддержкой Советского Союза, международных рабочих и профсоюзных организаций, всех прогрессивных антикапиталистических сил, включая организации Коминтерна.

ЮЙ КЭПИН: Коммунистические революции в обеих странах и их победа являются для человечества одними из величайших событий XX века. Они коренным образом изменили ход мировой истории, в корне изменили ход истории в Китае и в России, включая построение современных государств в обеих странах. Конечно же, с моей точки зрения, коммунистические революции в наших странах в определенной степени явились сами по себе результатом исторической логики вызревания современного государства и модернизационных трансформаций. Но в то же время они явились и способом дальнейшей стимуляции модернизационных процессов и современного государственного строительства.

Итак, с одной стороны, чтобы лучше понять историческое значение коммунистических революций в Китае и в России, необходимо постоянно держать в поле зрения связанный с ними гигантский исторический масштаб модернизационных трансформаций двух держав. С другой стороны, отдавать себе отчет в том, что коммунистические рево-

люции оказали глубокое многостороннее влияние на современное государственное строительство в Китае и в России. Во-первых, они заново определили главную цель современного государственного строительства, — в качестве таковой после победы коммунистической революции оба государства утвердили установление диктатуры пролетариата, а в качестве его конечной цели — уничтожение государства как такового, создание коммунистического общества без государства. Такое понимание целей государственного строительства серьезнейшим образом повлияло на политическое развитие обеих стран. Во-вторых, революции сформировали новый тип политической легитимизации современного государства, самым важным источником которой стала рассматриваться сама революция, классовая борьба и марксизм как теория, доказывающая историческую неизбежность нового строя, и единственная господствующая идеология. В-третьих, в ходе революций был заново определен круг государственных интересов. Классовые интересы стали отождествляться с самыми важными национальными интересами, и между интересами господствующего класса и государственными (национальными) интересами был практически поставлен знак равенства. И наконец, в-четвертых, революции проложили новый путь государственному строительству, предполагающий опору на классовую борьбу и продолжение революции.

С точки зрения государственного строительства основная причина, по которой коммунистическая революция произошла именно в двух наших странах, заключается в специфическом реальном положении Китая и России, в том, что готовый опыт построения современного государства, накопленный на Западе, оказался непригоден для использования в этих двух странах. Еще до того, как в Китае и России вспыхнула коммунистическая революция, там предпринимались попытки модернизации по западной модели, но в конечном счете все они провалились. Это создало непосредственные предпосылки для коммунистической революции и ее победы. Надо понимать, что до революции общество, экономика, культура в обеих странах явно отставали от развитых стран, но обе нации имели блистательную историю, а национальные элиты — каждая по-своему — стремились найти кратчайший путь для осуществления модернизации своих стран. Революционная мечта — перескочить [на пути своего развития] капиталистическое общество и прямо вступить в общество социалистическое — имела для национальных элит России и Китая огромную привлекательность. Конечно, существовали и другие причины. Например, исторические и культурные традиции обеих стран коррелировали со многими чертами коммунистической революции, как они были описаны К.Марксом, — акцентирование классовой борьбы и насильственного характера революции, подчеркивание роли политического авторитета и, особенно, роли централизации власти в процессе государственного строительства.

Вопрос 3. История государственного строительства в Западной Европе имеет одну характерную особенность — это особая роль религии, выступавшей в качестве некоего фактора, сдерживающего безграничность роста государственного могущества. Такая особая ее роль приводит к тому, что государственная мощь, всегда стремящаяся к расширению своих границ, не может полностью и целиком контролировать все общество. В России же и в Китае, похоже, религиозный фактор (применительно к Китаю это, прежде всего, «конфуцианская ортодоксальность») не играет такой серьезной сдерживающей роли в отношении государственной власти. Почему так происходит? Каким образом эта специфика может сказаться на ходе государственного строительства в наших двух странах?

М.Л. ТИТАРЕНКО: В истории развития Китая и России роль религиозного фактора имеет весьма существенные различия. Общим является лишь то, что в каждой из наших стран различные конфессии играют свою важную роль в формировании общественного сознания, нравственных норм поведения тех слоев, которые придерживаются ценностей той или иной религии. Однако степень влияния религиозных факторов на политическую и культурную жизнь, например, Китая и России, и в некотором смысле стран

Западной Европы сильно отличается. Если в Китае роль религиозного фактора в целом традиционно носит достаточно ограниченный характер, но степень его влияния среди городского и сельского населения заметно разнится. В деревне традиционные верования — культ предков, почитание различных добрых и злых духов, буддизм, даосизм, а также внедренные иностранными миссионерами католицизм и протестанство имеют более широкое распространение и влияние. Однако религиозный фактор приобретает очень значительную роль в районах национальных автономий — Тибете, Синьцзяне, Юньнани, Нинся-Хуэйском автономном районе, Автономном районе Внутренней Монголии и местах компактного проживания национальных меньшинств, исповедующих или мусульманство, или различные виды буддизма и даже шаманизма.

Характерно, что присущие китайской народной культуре особенности поведения и деловой этики — прагматизм, деловитость, предприимчивость, умение поймать шанс, терпение, выдержка, умение переносить житейские трудности, известная склонность принимать и смиряться до определенной степени с испытаниями и «давлением судьбы» и внешних сил, были умело использованы миссионерами, проповедниками католицизма и протестанства, западной предпринимательской коммерческой культуры.

Принципы и этика православного христианства, делающего упор на праведность и любовь к другим как к самому себе, на смиренное терпение, культ страдания и самосовершенствования, небрежение к материальной обустроенности жизни ради достижения после смерти «царства небесного», не получили широкой поддержки среди населения Китая.

В самой России имеет значение и в настоящее время является доминирующей религиозной конфессией православное христианство. Его роль со времени крещения Руси всегда была исключительно велика в формировании государственной идеологии, внешней политики, воспитании населения, формировании систем культурных, нравственных ценностей и житейских нравственных норм, которые жестко базируются на 10 заповедях Нагорной проповеди Иисуса Христа.

О степени влияния этих заповедей свидетельствует тот факт, что стержнем провозглашенного в Программе КПСС 1962 года «Морального кодекса строителя коммунизма» фактически являются как раз все 10 христианских заповедей. Россия — многонациональное государство, объединяющее почти 150 больших и малых национальностей, суперэтносов и малых народностей (некоторые из них насчитывают всего несколько тысяч человек). Хотя более 80% населения РФ так или иначе веруют или придерживаются ценностей православия, но в нашей стране имеются достаточно многочисленные и влиятельные конфессии граждан, исповедующих различные направления ислама, иудаизма, ламаизма, католицизма, протестантизма и шаманизма.

Принципиальным отличием совокупной российской цивилизации, ядром которой является русская культура и русский язык, от западных цивилизационных ценностных систем и житейской этики является то, что отношения между локальными, этническими и конфессиональными сообществами и культурными традициями и ценностями этих сообществ строятся не по вертикали — сверху вниз, а по горизонтали, на основе принципов симфонизма, соборности, признания общности судьбы, равенства, взаимопомощи, терпимости и взаимной учебы.

ЮЙ КЭПИН: Современное государственное строительство является результатом взаимодействия множества разнородных сил. С точки зрения европейского опыта, двумя основными силами, обуславливающими государственное строительство, являются гражданское общество и религия. В Китае и в России в процессе современного государственного строительства обе эти силы очень слабы. Я не очень хорошо знаю ситуацию в России, но в Китае нового исторического периода никогда не существовало государственной религии в классическом смысле этого слова, и тем более не было сильного гражданского общества. Поэтому отсутствовала реальная сила, способная своим противостоянием уравнове-

шивать политическое господство государства. Государство в Китае традиционно поглощало общество, и тот, в чьих руках оказывалась государственная власть, овладевал всем обществом в целом. Все это абсолютно не похоже на обстоятельства современных западных стран. Полагаю, что там гражданское общество, имеет более реальное значение в сдерживании силы государства, чем религия, несмотря на то, что и она является серьезной силой. Процесс построения современного государства в Европе является в то же время и процессом роста гражданского общества. Как известно, отправной точкой в логике Маркса при его анализе капитализма являются взаимоотношения гражданского общества и политической системы. Сам Маркс говорил, что ответить современному государству может только гражданское общество, и в этом Маркс достиг большей глубины по сравнению с Гегелем. И сегодня так же очевидно, что построение современного государства должно сопровождаться построением гражданского общества. Без сильного, независимого и здорового гражданского общества невозможно существование действительно современного государства.

Вопрос 4. В 80-е годы XX в. Китай и Россия начали процесс трансформации прежней системы. Почему эти трансформации начались? Какое наследие оставила традиционная советская модель социализма Китаю и России? Какое сходство и какие различия имеются в трансформациях в Китае и в России? С каким наиболее серьезным вызовом могут столкнуться эти трансформации?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Произошедшие в России в результате распада Советского Союза и дискредитации социалистических порядков и социально-экономического строя смена строя и утверждение западных капиталистических порядков стали как для России, так и для народов других бывших братских республик огромной трагедией, провалом в прошлое. Произошла приватизация, точнее, «прихватизация» национальных богатств узкой кучкой компрадорских, коррумпированных и взаимосвязанных с деловыми интересами стран Запада элементами бывшей советской деловой и политической номенклатуры.

Можно сказать, что находчивость и «политическая мудрость» президента Б.Н. Ельцина, правившего Россией до конца 1990-х годов, заключалась, во-первых, в том, что, несмотря на унижительную экономическую, политическую и дипломатическую зависимость России и ее правящих кругов от стран ЕС, НАТО и особенно США, внешне сохранялись и подчеркивались атрибуты самостоятельности и суверенности внешней политики России. Особенно заметно они выражались именно в курсе на развитие добрососедских связей с Китаем и провозглашении их в 1996 г. отношениями стратегического партнерства, обращенного в XXI в. Во-вторых, несмотря на призывы и давление его американских советников и гайдари-чубайсовского окружения, Б.Н. Ельцин, хотя в целом и следовал антикоммунистическим и антисоветским установкам, но запретив КПСС, он тем не менее, не перевел внутреннюю политику на путь тотального антикоммунизма, политических репрессий, отверг предложения о люстрации сотрудников государственных структур и организаций. В-третьих, несмотря на проведение хищнической политики «прихватизации» общенародной собственности, Б.Н.Ельцин не пошел на полное разрушение советской системы социального обеспечения. Частично была сохранена, хотя на крайне низком уровне, пенсионная система и основные положения советского трудового права, включая сохранение лимитированного рабочего дня, системы отпусков, выходных дней, пособий по болезни. Частично были сохранены бесплатная медицинская помощь и образование.

Вышеназванные и другие факторы и присущее русскому народу долготерпение удержали новую российскую государственность от дальнейшего распада. Вместе с тем, сепаратистские и националистические бунты на Северном Кавказе, две войны, развязанные в Чечне местными националистами при активной поддержке внешних экстремистских террористических организаций ислама и стран НАТО и США — все это серьезно ослабляло страну, несло новые жертвы и испытания многострадальным народам России.

Если же говорить о Китае, то там, несмотря на потрясения «культурной революции», процесс эволюции и трансформации общества и политики проходил более упорядоченно и с меньшими жертвами под единым руководством КПК на основе продуманных концепций реформирования всех структур общества, прежде всего экономики, улучшения благосостояния народа.

Отказ от советской модели и советских методов руководства страной прошел в Китае одновременно с мощной, с конца 1950-х до конца 1980-х годов, антисоветской кампанией борьбы с «советским ревизионизмом».

Наиболее ожесточенный и комплексный характер эта кампания борьбы против СССР, которую стимулировал и направлял лично Мао Цзэдун и его ближайшее окружение, приобрела в ходе подготовки процесса сближения с США, подготовки известного визита Никсона в Китай и его встречи с Мао Цзэдуном, в ходе которой, как стало позднее известно, была достигнута договоренность о едином фронте Китая и США против «советского социал-империализма».

Наличие этой договоренности и совместное всестороннее давление двух великих держав на Советский Союз с Запада и Востока потребовало от руководства СССР пересмотра всей политики и проведения тотальной мобилизации всех ресурсов страны на развитие и укрепление обороны, что одновременно потребовало свертыwania всех программ внутреннего мирного экономического, социального и культурного строительства и развития.

ЮЙ КЭПИН: Я уверен, что социалистическая система, которая была создана в России и в Китае в результате и посредством коммунистической революции, является великой попыткой модернизации института государства. Социалистический строй, который Китай, учась у СССР, стал поначалу строить, был социализмом советской модели. Несмотря на множество различий основа системы и ключевые ее элементы оставались у наших стран схожими. Эта была традиционная социалистическая система, которая раскрепощала общественные производительные силы, улучшала политическое и экономическое положение широких масс трудящихся, усиливала комплексную государственную мощь, и было бы неверным отрицать ее огромный исторический вклад. Но экономическая система, характеризующаяся главенством государственной собственности и плановой экономики, и политическая система, характеризующаяся высокой централизацией власти и абсолютным единоначалием, несут в себе множество внутренних недостатков. Когда общество достигает определенной ступени развития, такая политико-экономическая система начинает сковывать производительные силы, сдерживать социальную активность общества, ущемлять гражданские права, являющиеся заслоном для беззакония и произвола. В Китае это привело даже к экономическому и политическому бедствию «культурной революции». По идее, социализм как система имеет перед капитализмом очевидные преимущества, — по сравнению с капитализмом он должен иметь производительные силы более высокого уровня, более высокий, чем в капиталистических странах, уровень жизни. Но в действительности разница в экономическом развитии и уровне жизни стран традиционного социализма и развитых капиталистических стран со временем не только не уменьшилась, но возросла. Разница между Северной и Южной Кореей, Западной и Восточной Германией является типичным отражением различия двух систем.

В реальности традиционный социализм не только отклонился от первоначальных намерений его отцов-основателей, но с каждым днем все более не соответствовал чаяниям широких слоев населения. Трансформация была неизбежной. Китай и Россия выбрали разные способы трансформации. Бывший СССР пошел по пути «шоковой терапии», отказавшись от социализма как системы. А Китай принял политику «реформ и открытости», пошел по пути «социализма с китайской спецификой». Является ли выбор пути преобразований России успешным? На это русские должны ответить сами. Китайская политика реформ и открытости достигла огромных успехов, совершила чудеса в

экономическом развитии, позволив Китаю стремительно перезапустить модернизационный процесс. Но будь то Китай или Россия, придется признать, что и здесь и там традиционный социализм оставил последующим поколениям огромное наследие. Например, в Китае марксизм уже считается органической составной частью содержания современной китайской культуры, государственная экономика по-прежнему занимает командные высоты в народном хозяйстве, роль правительства в экономике по-прежнему чрезвычайно велика и т.д. Все это наследие традиционного социализма имеет положительную сторону, но, надо признать, несвободно и от негативного влияния. Говоря о сегодняшнем процессе модернизации в двух странах, надо сказать, что важнейшей задачей наших руководителей является максимальное выявление именно позитивной роли наследия традиционного социализма и устранение его негативных последствий.

Вопрос 5. Рассуждая о наследии социализма в Китае и России, невозможно не сказать о В.И. Ленине и И.В. Сталине. Какую оценку в сегодняшних Китае и России дают В.И. Ленину и И.В. Сталину?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Действительно, социалистическое наследие в России в сознании большинства населения неразрывно связано с лидерами революции 1917 года — В.И. Лениным и И.В. Сталиным. Образ В.И. Ленина, несмотря на попытки неолиберальных, западных кругов и антикоммунистически настроенных представителей из числа «новых русских», сохраняет в целом высокий нравственный авторитет. В современной России среди творческой, особенно научной интеллигенции, исключительным авторитетом пользуются статьи В.И. Ленина, написанные или продиктованные им в конце жизни во время болезни. Эти статьи содержат массу новых идей, новых подходов и обобщений начального опыта советской власти в области экономической политики (НЭП), важных положений об утверждении реального равноправия наций, развития демократии, культуры, образования и т.д. Во многих городах сохраняются памятные наименования улиц, площадей и музеев, связанные с деятельностью В.И.Ленина. Острая борьба идет в обществе вокруг проблемы сохранения Мавзолея В.И.Ленина и его тела.

Относительно И.В. Сталина официальная пропаганда, деятели неолиберальных кругов и «новые русские» придерживаются сугубо негативной, антиисторической позиции. Искажение и очернение социалистического процесса развития в Советском Союзе сопровождается или замалчиванием реальных достижений, или клеветой и очернением как самых достижений, так и личности И.В. Сталина. Даже со стороны представителей власти инициируются кампании антисталинизма. Все негативные явления советского периода, особенно связанные с кампаниями чистки партии и террора в отношении оппозиции в 1930-е годы, раздуваются до невиданных масштабов. Одновременно выдающаяся роль И.В. Сталина в качестве Главнокомандующего в годы Великой Отечественной войны замалчивается или подвергается искажениям и фальсификации. Антикоммунистическая и неолиберальная пропаганда пытаются даже отождествить личность И.В. Сталина с личностью А. Гитлера, изобразив его демоном зла, репрессий и беззакония.

В современном российском обществе нет единства мнений о характере самого сложившегося общества и, тем более, о его целях. Правящая элита России в своем большинстве рассчитывает на трансформацию нашей государственности, ее образа жизни и цивилизационных ценностей по матрице ценностей развитых западных демократий и США. Сторонники этой линии и модернизации России пытаются во всем, от туалета до спальни, от школы до университета, от местных органов власти, названных «префектурами», «мэриями» и т.д., до сената, от дизайна и наименования представительских и правительственных учреждений, вплоть до формы трибуны и оформления президиума пресс-конференции, во всем копировать и насаждать позиции, правила, образцы западного формата.

Однако, хотя эта тенденция внешне занимает доминирующее положение, но ее авторитет среди публики не слишком высок. Президент В.В.Путин, ряд министров, губернаторов и руководителей регионов придерживаются линии на сохранение не устарев-

ших национальных атрибутов власти и схем управления, не разделяют линию на огульное отрицание всего советского опыта организации общественной жизни, государственного и культурного строительства и т.д.

В выступлениях лиц из окружения президента все чаще звучат призывы к оздоровлению культурной жизни страны, расширению и возвышению нравственных и духовных факторов в жизни общества, продвижению в различные слои населения богатого культурного наследия России, включая достижения советской культуры, которые противопоставляются низкопробному шоу-бизнесу западного образца. В последние годы официальные власти России все активнее выступают за развитие всестороннего культурного и гуманитарного сотрудничества с Китаем, за расширение обменов в области образования, искусства, спорта, туризма, литературы и т.д.

ЮЙ КЭПИН: Действительно, как бы не оценивали В.И.Ленина и И.В.Сталина, оба они как своего рода символы являются важнейшей частью наследия традиционного социализма. Практически всех последователей традиционного социализма волнует вопрос об отношении к ним. Говоря о ситуации в Китае, можно выделить два аспекта вопроса. Первый аспект — это официальная оценка Ленина. Вплоть до сегодняшнего дня она по-прежнему остается абсолютно позитивной. В отношении Сталина — в основном позитивной. Второй аспект — это народная оценка, и она значительно расходится с официальной. Народная оценка уже более дифференцирована. В отношении Ленина она большей частью позитивная, но чем дальше, тем больше людей, в том числе и ученых, начинают видеть разницу во взглядах Ленина и Маркса. Все больше становится негативных оценок Сталина, многие считают, что его нельзя ставить в один ряд не только с Марксом, но и с Лениным.

Вопрос 6. Как Вы считаете, существует ли некое подобие цели у трансформационных процессов, которые происходят в Китае и России, предположим, цель стать похожими на Запад, превзойти Запад, или, быть может, сочетание того и другого?

М.Л. ТИТАРЕНКО: По вопросу о трансформации и ее целях в Китае и России существуют прямо противоположные взгляды. Если говорить о России, то восприятие трансформации у правящей элиты и тех, кто получил в результате приватизации огромные богатства страны, однозначно носит капиталистическую направленность. Однако и среди этой части, ориентированной на капиталистический путь развития и западные стандарты демократии, существуют также разные точки зрения. Так называемая олигархическая прослойка новых русских выступает сторонником жесткой либеральной линии создания современной рыночной экономики по западным лекалам. Причем и западные образцы рассматриваются даже не в реально существующих практиках США и ЕС, а более раннего этапа — капитализма, когда степень эксплуатации и уровень прибыли были максимальными. В этом смысле нынешний российский капитализм в трактовке гайдари-чубайсовских поклонников носит исключительно хищнический и, по своей сути, компрадорский характер.

Однако следует отметить, что в рамках капиталистической модели развития России существует и более, если можно выразиться, прогрессивное течение, которое можно было бы назвать социально-ориентированным госкапитализмом. Сторонники этой модели пытаются сочетать остатки советского опыта хозяйствования с опытом социально-ориентированной экономики таких стран, как Германия, Швеция и Франция. Однако эти тенденции пока не стали доминирующими, не испытывают очень сильного влияния со стороны неолиберально-олигархических кругов, следуют жесткой рекомендации своих американских советников.

Вместе с тем, сложности социально-экономической ситуации в нынешней России проявляются и в том, что в отдельных регионах существуют трансформированные в духе рыночных отношений хозяйственные структуры советского типа. Например, в интернет-магазине можно встретить продукцию «Экологически чистое молоко», которое произведено в «Обществе с ограниченной ответственностью», под которым, по сути де-

ла, сохраняется колхоз или совхоз. В 1930-е гг. создание колхозов шло под сильным идейно-политическим давлением, а их организационно-хозяйственные преимущества не имели возможности по-настоящему проявляться. Однако на новом уровне технической оснащенности и выработки хозяйственной культуры они раскрывают свои действительные преимущества, и сельские жители настаивают на их сохранении.

С учетом вышеизложенного вопрос о том, идти ли путем Запада, или идти собственным, отличным от Запада путем, или совмещать заимствования с собственными подходами, приобрел у России крайне острый, крайне политизированный характер. В жизни, в сознании как сторонников капиталистического пути, так и сторонников советской модели хозяйствования нет негативистского отношения к передовым техническим и управленческим достижениям Запада, но широко распространено негативное отношение к попыткам навязать неолиберальные, монетаристские западные рецепты и рыночные механизмы, которые, кстати, давно не используются на самом Западе.

Негативное отношение к западной теории реформирования России среди широких слоев российской общественности в значительной мере порождается крайне недоброжелательным, некомпетентным отношением к России со стороны западных партнеров, их откровенными и бесцеремонными попытками вмешиваться во внутренние дела, разрушить самобытные традиции российской культуры.

ЮЙ КЭПИН: Думаю, что трансформация в каждой из наших стран имеет свою цель. В общих чертах, это стимулирование социальной модернизации, построение могущественной модернизированной державы. Что касается Китая, то цель построения могущественной модернизированной державы включает в себя достижение четырех рубежей: экономического богатства и военно-политической мощи, демократии, цивилизованности и гармоничности. Цель превращения в могущественную модернизированную державу включает в себя утверждение в жизни таких универсальных ценностей человеческой цивилизации как свобода, равенство, справедливость, достоинство, управление на основе законов и т.д. Но конкретное содержание универсальных ценностей, а также конкретные пути укоренения этих ценностей в разных странах, очевидно, не могут быть одинаковыми. Поэтому понятно, что такие имеющие яркую индивидуальность державы, как Россия и Китай, не должны идти по пути усердного повторения опыта других государств. Ясно, что механическое копирование никому не принесет удачи. Здесь необходимо четкое понимание и соблюдение границ копирования и учебы: подражание нежелательно, а вот учеба — обязательна. Прогресс любой великой цивилизации определяется способностью учиться у других выдающихся цивилизаций. У меня нет сомнений, что и Китаю, и России необходимо реализовать великую цель государственной модернизации, что обеим нашим странам необходимо усердно учиться всем достижениям выдающихся цивилизаций, созданных трудом человечества, и особенно — достижениям, образующимся в ходе модернизации развитых западных стран. Полагаю, любое великое национальное государство надеется, что способно превзойти другие страны и достичь вершин мировой цивилизации, но трезвомыслящие руководители должны сосредоточивать большее внимание прежде всего на том, чтобы отношение к собственному модернизационному пути было по-деловому серьезным и ответственным. Нереалистично пытаться превзойти другие страны и стать в мире первыми, — как правило, за это приходится платить катастрофически высокую цену. В отношении такого рода амбиций и Китай, и Россия имели серьезные уроки.

Вопрос 7. В конце XX столетия ускорение процессов глобализации добавило трансформациям России и Китая новое историческое измерение. Глобализация несет с собой одновременно и столкновения ценностных концепций на планете, и их интеграцию. Мы видим, что Китай и Россия сохраняют определенную дистанцию по отношению к западным ценностям, носителями которых выступают европейские страны и США. Этот выбор продиктован заботой о сохранении истории, социальных реалий и культуры своей собственной страны или у него есть другие побу-

дительные мотивы? И еще. Если ценностный аспект человеческого существования несводим к единому знаменателю, не приведет ли это к свертыванию глобализации или, предположим, к ее расколу? Если выработки общих ценностей так и не произойдет, завершатся ли трансформации в Китае и России?

М.Л. ТИТАРЕНКО: Россия и Китай занимают различное место в процессе глобализации, различна степень их вовлеченности в этот процесс, что порождает серьезные различия во взглядах на нее. Китаю удалось вписаться в глобализацию по-американски, создать с лидерами глобализации, прежде всего с США, тесную взаимозависимость экономического плана, более того, с помощью политики открытости Китай привлек главных «глобализаторов» — США, ЕС, Японию к тесному взаимодействию в процессе собственной модернизации. Китаю удалось плавно выйти из созданного Мао Цзэдуном в 1970-е гг. совместно с США антисоветского альянса и занять самостоятельную независимую позицию, одновременно сохранить тесные экономические и другие связи с западными партнерами.

В целом, как представляется, Запад рассматривает Китай своим младшим партнером, хотя, по сути дела, Китай, добившись фантастических успехов в экономическом развитии, стал второй державой мира. И перед Западом стоит задача адаптироваться к новой роли Китая как великой мировой сверхдержавы. Перед Китаем также стоит задача освоить и выработать свои подходы к несению глобальной ответственности.

Что же касается России, то ситуация здесь совершенно иная. Если Китаю удалось стать активным действующим субъектом глобализации, то распад Советского Союза и подход ведущих держав мира во главе с США к России как «побежденной стране» поставил ее, в известной мере, в положение *объекта глобализации*. В течение 90-х годов XX века Россия действительно была превращена в сырьевой придаток Запада, и ведущие политики США, Англии на полном серьезе рассуждали, что делать с Россией. Госпожа Тэтчер предлагала проводить в отношении России такую политику давления, которая бы в итоге привела к дезинтеграции российской государственности и сокращению населения России до 15 млн человек. Госпожа Олбрайт и господин Бжезинский, «давние убежденные друзья России», полагали возможным сохранить население России на уровне 50 млн и одновременно в своих фундаментальных трудах рисовали карты раздела России на 5–6 суверенных государств.

В ходе кризиса, возникшего в связи с событиями на Украине, президент США Обама пригрозил России самыми суровыми санкциями и иронично назвал Российскую Федерацию «региональным государством». В течение 1990-х гг. Россия была низведена поначалу до положения послушного младшего партнера Запада. Лишь с конца 1990-х гг. начали предприниматься попытки выработать самостоятельный и независимый курс российского государства. Примечательным является то, что именно с установления отношений стратегического партнерства с Китаем, о котором было заявлено в совместном заявлении Президента Б.Н.Ельцина и Председателя Цзян Цзэминя в 1996 году, начался подъем России с колен. Заслуга президента В.В. Путина в первый срок его президентства состояла именно в том, что он осмелился заявить о самостоятельном и независимом курсе развития России, что вызвало волну негодования среди правящих кругов НАТО. Российское руководство выражало и выражает готовность к всестороннему развитию сотрудничества и взаимодействия с западными странами во всех сферах. Если это не получилось и не получается, в этом не вина России.

Поэтому можно сделать вывод о том, что пока процесс налаживания делового, равноправного сотрудничества России с западными странами в условиях глобализации наталкивается на огромные трудности и носит крайне неравномерный характер. Важно также отметить, что западные партнеры пытаются изолировать Россию и в этой связи подорвать ее отношения с теми странами, включая Китай, с которыми у России существуют дружеское добрососедское сотрудничество и стратегическое партнерство. С учетом этого есть основания говорить о том, что развитые западные страны — США и другие

страны, входящие в НАТО — делают все возможное для того, чтобы затормозить процесс модернизации и позитивного развития России.

ЮЙ КЭПИН: Здесь нельзя не видеть и исторических причин, и конечно, причин, связанных с учетом реалий. Во-первых, с точки зрения эволюции человеческой цивилизации и Россия, и Китай имеют собственные самобытные культурные традиции; и эти традиции заметно отличаются от западных. Мы живем в эпоху глобализации, но глобализацию нельзя отождествлять с культурно-цивилизационной унификацией. Напротив, глобализация предполагает сосуществование интеграции и разнообразия, локализации и интернационализации. В эпоху глобализации разнообразие человеческих культур не только не исчезает, а наоборот, может специфическим образом проявиться более явно. Во-вторых, с точки зрения истории обеих стран, Китай и Россия, и западные страны постоянно пребывали и в состоянии разделения, и в состоянии объединения, т.е. в процессе как противостояния, так и сотрудничества. Такой своеобразный опыт отношений также предопределил трудности полной интеграции с западными странами. И последнее. Конечно, нельзя не учитывать проблемы реальных государственных интересов. Кроме как в крайних, исключительных обстоятельствах, между любыми великими державами доминируют конкурентные отношения, что является нормальным положением дел. В таких условиях сохранение относительной независимости есть самый оптимальный выбор для защиты национальных интересов.

Вопрос 8. Тем не менее, если смотреть в корень, оставаясь при этом на почве признания специфичности трансформационных процессов в Китае и России, существуют ли универсальные ценности для всего человечества? Если таковые существуют, то какие из них, на Ваш взгляд, являются самыми важными?

М.Л. ТИТАРЕНКО Вопрос об универсальных человеческих ценностях и их роли в трансформации России и Китая — это вопрос, имеющий самое прямое отношение к проблеме цивилизационной самоидентификации каждой из наших стран. Россия и Китай являются носителями, представителями великих богатейших уникальных цивилизаций. Их формирование и развитие, безусловно, шло в тесном взаимодействии, мирном и немирном, с другими цивилизациями. С конца XVIII века в условиях капитализма до нынешнего процесса глобализации шло завершение формирования единой системы локальных цивилизаций. Этот процесс был также процессом взаимной учебы, взаимного влияния, взаимодействия. И в ходе этого выработались единые принципы, на которых строились именно эта взаимоучеба, взаимовлияние, взаимодействие цивилизаций. Принципы развития, обмена, взаимообогащения и есть то, что ныне именуются универсальными общечеловеческими цивилизационными ценностями. Они включают нравственные качества и нормы поведения, в том числе осознание ценности человеческой жизни, прав человека, гуманных норм взаимодействия человека и общества, человека и природы, принципы мирного взаимодействия и сотрудничества между разными народами, между разными государствами, разными культурами. Поэтому не случайно, что максима: «Не делай другим того, чего не желаешь себе» самобытна, одновременно прозвучала в устах великого основоположника китайской культуры Конфуция, великого учителя и основоположника буддизма Шакьямуни и великого основателя мусульманской культуры Мухаммеда. Тезис Конфуция о гармонии различного («хэ эр бу тун»), т.е. принцип сохранения многообразия культур и взаимная учеба их, гармонизация отношений между ними — это один из важнейших элементов среди универсальных человеческих ценностей мировой культуры.

К сожалению, история сложилась так, что с конца XVII-XVIII веков представители западноевропейской цивилизации, к которой позднее в XX веке примкнула американо-европейская цивилизация, в силу ряда обстоятельств превратились в доминанту мирового развития. Созданные развитыми европейскими державами — Англией, Францией, Германией, Испанией, Португалией, Голландией огромные колониальные империи позволили этим странам за счет нещадной эксплуатации колоний накопить огромные ка-

питалы, занять доминирующие позиции в мировой экономике, культуре, политике, военном деле и т.д.

В настоящее время в процессе глобализации, лидером которой выступают США, предпринимаются попытки представить западноевропейскую и американскую культуру как общемировую культуру и ценности этой западной культуры представить как универсальные общечеловеческие ценности. Под этим флагом ведется мощная компания сплошной вестернизации, пропаганда и насаждение западных систем ценностей, западных матриц демократии. Попытки представителей других локальных цивилизаций — китайской, индийской, мусульманской, российской отстаивать свою самобытность всячески дискредитируются, им угрожают столкновениями цивилизаций. Именно попытка западных пропагандистов навязывать идеи о полной вестернизации арабским странам, вытеснить мусульманскую цивилизацию спровоцировали всемирный мусульманский терроризм.

Россия и Китай выступают сторонниками полицентрического развития мира и сторонниками мирного развития и мирного взаимодействия, взаимной учебы, взаимного обогащения цивилизаций. Навязывание так называемых единых универсальных ценностей и уничтожение своеобразия культур — это действительно путь к столкновению цивилизаций, это путь к уничтожению цивилизаций.

Поэтому, как мне представляется, древний китайский тезис «Пусть расцветают все цветы, пусть соперничают все школы» является разумным принципом, универсальной ценностью, универсальной закономерностью развития и взаимодействия мировых цивилизаций в глобальном масштабе и каждой из локальных цивилизаций в отдельности.

ЮЙ КЭПИН: С глобальной точки зрения, человечество является единым обществом, мировое сообщество также является единым обществом. Вполне очевидно, что существуют универсальные ценности. Например, такие базовые принципы, как *свобода, равенство, справедливость, достоинство, безопасность, мир* на самом деле являются общими, их соблюдение является целью, к которой стремится человечество. *Устав ООН, а также Всеобщая декларация прав человека* — это наиболее важные международные соглашения, направленные на защиту и осуществление этих универсальных человеческих ценностей. Нарушение этих общечеловеческих принципов и норм является поступком, направленным против человечества. Это должно получать осуждение международного сообщества. Развитие универсальных ценностей человеческого сообщества является общей задачей всего человечества. Китай и Россия как великие державы в таком случае должны взять на себя еще больше ответственности.

Признание универсальных человеческих ценностей нисколько не отрицает их разнообразия. Каждое национальное государство в понимании общих человеческих ценностей и способов их реализации должно иметь выбор. Поэтому мы не можем в своем стремлении к всеобщим человеческим ценностям отрицать особые ценности национального государства, также нельзя, стремясь к своим национальным ценностям, отвергать универсальные человеческие ценности.